

Региональная специфика сознания россиян

Изучение российской региональной специфики сегодня выдвигается в ряд актуальнейших исследовательских проблем. Пути выхода из кризиса каждый регион сегодня ищет сам, в соответствии со своим потенциалом и возможностями. Экономическая и социальная стабилизация России напрямую будет зависеть от того, насколько эффективными окажутся локальные стратегии решения назревших вопросов. Однако сказанное не отменяет того факта, что необходима единая сильная централизованно выработанная региональная политика.

При разработке конкретных мероприятий и приоритетов подобной политики следует иметь в виду, что рыночные отношения уже затронули многие стороны бытия населения России, вошли в его повседневную обыденную жизнь, привнеся с собой и негативные последствия подобной трансформации: безработицу (в некоторых регионах перерастающую в массовую), жесткую конкуренцию, приобретающую откровенно криминальные формы, резкую имущественную дифференциацию, носящую чересчур полярный характер.

Типические реакции на подобные изменения, выражающиеся в социальном самочувствии и психологическом самоощущении людей, оказались в корне различны, как различными оказались и адаптивные способности представителей многочисленных социальных общностей и групп российского населения, определяющие их выбор в пользу тех или иных моделей социального поведения. Исследователи региональной проблематики уже не могут ограничиться простым статистическим анализом одних лишь объективных социально-экономических различий, характеризующих нынешнее, не всегда благополучное, положение россиян. Для того чтобы картина представлялась полной, следует принять во внимание все многообразие факторов, определяющих специфику реакций населения России на осуществляемые реформы и особенно на негативные последствия рыночных изменений.

В данной статье на примере трех регионов (Москва, Южная Россия, Дальний Восток) я попытаюсь очертить некоторые социально-экономические, идеологические и ценностно-психологические особенности положения и сознания населения в едином методическом контексте с тем объективным макрофоном, на котором наиболее отчетливо проступают глубинные региональные различия. Выбор предложенных для сравнительного анализа регионов далеко не случаен. На основании любой базовой типологии, использующей различные виды индикаторов, можно обнаружить существенную специфичность, характеризующую положение и позиции сопоставляемых

---

¹ Материалом исследования служат данные ряда социологических опросов, проводившихся РНИС и НП в 1995-1996 годах.

районов Центра, Востока и Юга страны. Как нетрудно заметить, указанная специфика достаточно ярко проявила себя и на прошедших в 1996 году выборах президента России.

В российских регионах сложились качественно различные типы социально-экономической ситуации, что оказывает заметное влияние на ход процессов неизбежной адаптации к рынку и функционирования региональных экономик в принципиально новых условиях [1]. Во главу угла должно быть поставлено осмысление того факта, что социально-экономические процессы, протекающие в регионах, на определенном этапе могут усиливать сложившиеся диспропорции в уровнях социального развития. Это неизбежно отражается на объективном материальном положении населения, не говоря уже о качестве жизненных стандартов и шансах людей, проживающих в разных местностях.

Уместно сразу подчеркнуть, что столица России на сегодняшний день представляет собой совершенно особый тип региона так называемого постиндустриального характера, где процесс объективной структурной дезиндустриализации с лихвой погашается не имеющей аналога концентрацией финансового капитала, уникальным фокусом элитного четвертичного сектора экономики (наука, управление, информация), повышенной деловой активностью и чрезвычайно развитой сферой торговли и услуг [2, с. 12].

Уникальность московской ситуации состоит в том, что экономическая трансформация России превратила город в своеобразный "регион шансов", концентрирующий всю финансовую, банковскую, управленческую, а зачастую и личностную основу проводимых в стране радикальных преобразований. Это существенным образом влияет на мировосприятие и ментальность столичных жителей, которая заметно отличается от видения проблем и перспектив окружающей социальной и экономической реальности жителями российской "глубинки". Ценностные системы москвичей уже давно носят продвинутый индивидуалистически-постиндустриальный характер, свойственный, скорее, западному, чем исконно русскому менталитету.

Таким образом, столичный Центр оказывается в совершенно особом положении по отношению к большинству российских республик, автономных краев, районов и областей. Это закономерно, поскольку именно он является инициатором реформ, их последовательным проводником и сторонником. Однако локальные особенности процессов рыночного развития страны накладывают заметный отпечаток на рост межрегиональных противоречий, усиливая ставшее классическим противостояние по линии "Центр-Периферия".

Здесь мы сталкиваемся с проблемой неравномерности социально-экономического развития и исторического освоения российского территориального пространства и, что не менее важно, с проблемой неоднородности российского населения, выражающейся не только и не столько в его многообразной этничности, сколько в укоренившихся различиях локальной ментальности русских, проживающих в огромной стране. В настоящее время исследователи все чаще склоняются к мысли о наличии нескольких субэтнотосов в рамках единого русского этноса, поскольку нация еще не завершила процесс формирования. Существенные социокультурные отличия между, скажем, "северными" и "южными" русскими прослеживаются не только на вербальном, но и на статистическом уровне.

Исходя из этого, изучение региональной специфики положения и сознания россиян оказывается еще более сложным и предстает несколько в ином свете. Действительно, интересно было бы посмотреть, как проявляют себя жители агропромышленного консервативного Юга страны, где значительна доля традиционалистски настроенного сельского населения по сравнению, скажем, с индивидуалистически ориентированной урбанизированной Москвой.

Сразу следует оговориться, что под Югом России я понимаю в данном случае довольно широкое территориально-региональное образование, включающее в себя помимо казачьих краев и областей Северного Кавказа с преимущественно русско-

язычным населением, но ярко выраженной этнической доминантой, еще и Центральное Черноземье, поскольку жителям всей этой местности в целом присущ сходный тип ментальности. Да и по уровню социально-экономического развития указанные районы во многом схожи.

В связи с затрудненностью вхождения многих аграрных регионов в рынок, население Юга России оказывается в ситуации экономической изолированности от происходящих в стране процессов, не будучи застраховано от негативных последствий трансформации. Ситуация эта осложняется военным и межэтническим противостоянием в регионах "нового пограничья" и отсутствием реальных перспектив включения в альтернативную рыночную экономику. В настоящее время регионы Южной России бедны, покупательная способность населения здесь остается устойчиво низкой.

Безусловно, такое положение - результат сильного промышленного спада, предопределенного сложившейся к началу реформ структурой местной моноотраслевой и/или слабо диверсифицированной экономики, а также затяжного кризиса в сфере сельскохозяйственного производства. Однако причины указанной ситуации не только в этом. Многие населенные пункты Южной России относятся к категории средних и малых городов, обладающих собственной продовольственной базой и высоким уровнем развития приусадебного сельского хозяйства. Это существенно облегчает населению нелегкий процесс адаптации и несколько замедляет прогрессирующую массовую депривацию. В слабо урбанизированных регионах Юга переход к рыночным отношениям осуществляется менее интенсивно, что в определенной степени закономерно. Но потеряли при этом жители данного региона гораздо меньше, поскольку низкий уровень жизни они унаследовали от прошлого, а на определенном этапе реформ даже выиграли в стоимости жизни. В то же время нельзя не отметить, что ныне на Юге России наметилась явная тенденция убыстрения темпов роста розничных цен на основные товары и услуги, особенно в сравнении с другими российскими регионами (ранее эти цены долгое время искусственно поддерживались местными властями на явно заниженном уровне).

Объективные факторы, характеризующие социально-экономическую ситуацию в регионе, очень важны сами по себе, но не менее значимо, как эта ситуация преломляется в массовом сознании населяющих его людей. Сознание жителей Южной России традиционно отличалось специфичностью. Отличительными чертами российской "глубинки" всегда были консервативная умеренность во взглядах, самобытный склад мышления и образа жизни, сильный механизм сохранения и наследования ценностей, более прочный запас терпения и органичная приверженность патриархальным и патриотическим устоям. Этот укоренившийся консерватизм Южной России накладывает заметный отпечаток на микровосприятие людей, проживающих там из поколения в поколение. Данный фактор особенно важно учитывать в свете задач снижения социальной напряженности в обществе и ликвидации как возникших, так и унаследованных региональных диспропорций.

Не менее серьезны проблемы российского Севера, Дальнего Востока и других бывших "льготных" территорий нового освоения. Зачастую конфликтогенная социально-политическая ситуация, сложившаяся в Приморском крае, своеобразно отражается на социальном самочувствии и положении местного населения. Компрадорская политика внешней торговли, умело направляемая, а иногда и формируемая региональными элитами (думается, не без поддержки федеральных), на фоне повышенной криминальности и коррумпированности края дала свои результаты. Поэтому обстановку в регионе назвать стабильной, а тем более благополучной, крайне сложно: его жители все более и более разочаровываются в рыночных реформах, точнее, в методах, которыми они осуществляются².

² Не будем забывать о специфике формирования местного населения, приезжавшего в отдаленный регион с целью получения "северных" льгот и надбавок. Это не могло не выразиться в несколько маргинализованной ментальности большинства нынешних приморцев, потерявших в результате реформ значительные преимущества.

Развитие ситуации на Дальнем Востоке и само его будущее целиком вытекают из локальной специфичности. Регион относится к сырьевым, но не добывающим. Объемы использования ресурсов, потенциальные запасы которых велики, пока недостаточны для того, чтобы обеспечить ему экономическое процветание. В условиях отсутствия сколько-нибудь развитого сельского хозяйства, роста цен на энергоносители и транспортные перевозки, высокой потребности в дополнительных услугах и всякого рода вспомогательной деятельности Приморье вынуждено в силу особенностей своего геополитического положения нести значительные дополнительные расходы [3]. Без целенаправленной федеральной поддержки региону просто не выжить, но сепаратистская позиция местных властей, разжигающих ненужные страсти, иногда просто удивляет. Последствия экономической дезинтеграции и хозяйственного распада позволяют говорить о том, что ситуация на Дальнем Востоке (как, впрочем, и на Севере страны) находится в стадии повышенной кризисности по ряду объективных критериев и экономических показателей, и это ставит регион в центр повышенного общественного и научного интереса.

Социально-экономическое положение населения регионов

Для региональных проблем трансформационного периода исключительно важно все, что связано с процессами социально-экономической и имущественной дифференциации. Эти вопросы напрямую определяют социальный контекст осуществляемых реформ. Динамика уровня жизни в России последних лет отнюдь не является благоприятной, о чем свидетельствуют не только статистические данные, но и обострение общеполитической и экономической ситуации. Социальное неравенство регионов продолжает расти, разделяя их на относительно благополучные и откровенно бедствующие. Такое положение при дальнейшем углублении региональной поляризации и объективном обнищании основной массы населения чревато серьезными последствиями.

Не следует считать, что нынешнее социально-пространственное расслоение российских регионов обусловлено исключительно ходом экономической трансформации и ее первичными результатами, состоящими в том, что возвышаются богатые сырьевые и торгующие районы и до уровня практической нищеты низводятся остальные (в первую очередь "депрессивные", старопромышленные, с высокой долей традиционных отраслей и ВПК, а также отсталые аграрные). Территориально-хозяйственные различия между отдельными регионами складывались и накапливались десятилетиями, и проблема дифференцированности российского пространства в определенной мере унаследована из прошлого.

Тем не менее ход реформ привнес существенные изменения в сложившееся соотношение социальной и экономической составляющей регионального положения и развития. Неравномерность спада производства в различных регионах, крушение привычных хозяйственных связей, утрата рынков сбыта, доставшаяся в наследство моноотраслевая структура местной промышленности, неразвитая инфраструктура, бедные ресурсные возможности - все эти и многие другие факторы практически сразу отразились на уровне доходов российского населения.

Некоторые регионы оказались в тяжелом положении, они деградируют. В первую очередь это коснулось Северного Кавказа, распространившись на многие прилегающие этнически "русские" территории Юга России. Спад производства и уровня жизни носил здесь, по сути, обвальный характер. В то же время сырьевые и экспортноориентированные регионы, а также обе столицы оказались в несравнимо более благополучном положении. Однако следует различать характер и степень этого благополучия.

Дальний Восток по номинальному уровню доходов населения, безусловно, может быть отнесен к категории "богатых" регионов, но не следует забывать, что это район, удаленный от основного экономического центра. За последние пять лет ему пришлось столкнуться с увеличением транспортных тарифов в 5 тыс. раз, что естественно

отразилось на стоимости жизни и так не "дешевого" региона [4]. Возможностей для самообеспечения продовольствием приморцы не имеют в отличие от населения европейского Юга страны, где избыток таких возможностей является существенным компенсационным механизмом низкого уровня среднедушевых денежных доходов.

Особая ситуация сложилась в Москве, чему в немалой степени способствовали методы и первичные результаты осуществляемых реформ. Здесь объективное падение объемов промышленного производства резко контрастирует с феноменальным ростом среднедушевых доходов населения. Номинальные денежные доходы москвичей росли быстрее, чем в других регионах, и в итоге оказались максимальными, опередив не только доходы дальневосточников и тюменцев. Они втрое превысили средние показатели по России [2, с. 28].

Рассмотрим подробнее региональную дифференциацию по уровню душевого дохода в целом, основываясь на статистических данных и результатах социологических исследований 1996 года. По данным Госкомстата Российской Федерации, среднероссийский прожиточный минимум в 1996 году находился на уровне 300 тыс. рублей на человека. Именно он на сегодняшний день рассматривается как черта бедности. В то же время 52,2% респондентов имели более низкий душевой доход. Причем число тех, кто располагал доходами, не превышающими размера прожиточного минимума, за 1996 год возросло (в 1995 году таковых было 43,9%).

Среднероссийское количество респондентов с доходами до 150 тыс. рублей на человека (что составляет только половину прожиточного минимума и не позволяет обеспечить простое физиологическое выживание) равнялось 13,1%. В то же время на общем фоне выделялись регионы с очень высокой долей населения, живущего на грани нищеты. Так, жители Южной России оказались просто в катастрофическом положении с точки зрения имеющих в их распоряжении доходов. Свыше половины ставропольцев и четверть воронежцев располагали денежным доходом в сумме, не превышающим половины прожиточного минимума. Они едва могли покрыть стоимость минимальной продуктовой корзины, состоящей из 19 основных продовольственных единиц. Добавим, что в Приморье людей с такими доходами не было совсем, а в Москве зафиксировано только 7% откровенно нищенствующих.

Помимо этого следует заметить, что богатые становятся еще богаче, а бедные - беднее. Доля низкодоходных групп населения (относительно прожиточного минимума) растет в зонах межэтнических конфликтов на Юге России (с 65% в 1995-м до 87% в 1996 году), фиксируется на уровне 70% среди жителей Центрального Черноземья, в то время как в Москве и на Дальнем Востоке она стабильна и не превышает 25%. Даже учитывая всю относительность сопоставления денежных доходов в условиях инфляционных процессов и нестабильного общества, с определенной уверенностью можно констатировать, что по-настоящему обеспеченных массовых слоев населения на Юге России просто нет.

При этом на общем фоне следует выделить материально благополучные регионы с преобладающей долей высокодоходных и среднедоходных групп населения. По данному показателю снова опережающие позиции у Москвы, которая год от года выглядит предпочтительнее на фоне других регионов. Доля лиц со среднедушевыми доходами свыше 100 долл. США на человека в 1996 году составляла в Москве треть населения, что в два раза опережает среднероссийские показатели.

Надо сказать, что в традиционно богатом с точки зрения номинальных душевых доходов Приморье доля высокодоходных групп за последние несколько лет не увеличивается, а, скорее, падает. В настоящее время она составляет 11,3% владивостокцев. Одновременно там резко увеличивается доля низкодоходных групп (естественно, в пересчете на местную стоимость жизни). В Москве же ситуация обратная. Здесь отмечается максимальная по России покупательная способность населения. Даже если соотнести доходы москвичей с официальным прожиточным минимумом и местными ценами, то столица все равно оставит далеко позади себя гигантов экспортной торговли Западной Сибири, Севера и Дальнего Востока, не говоря уже о небогатых

регионах Юга России. Разрыв между наилучшим образом обеспеченной Москвой и откровенно бедствующими регионами (скажем, "депрессивными" районами Забайкалья) достигает ныне шестикратных величин.

Кроме того, Москва может похвастаться еще одним, мало сопоставимым с остальной Россией, материальным показателем. Здесь сформировалась заметная прослойка "зажиточного" населения, душевые доходы которых превышают (условно)

1 млн рублей. Сложно сказать, сколько из них относятся к новому "среднему" классу, а сколько - к элитным богатым слоям, т.е. во сколько раз среднедушевые доходы "зажиточного" населения превышают величину прожиточного минимума в каждом конкретном случае. Однако по общей массе лиц с "избыточными" доходами Москва лидирует - 30% общероссийских доходов, превышающих расходы, необходимые по прожиточному минимуму, сосредоточены в Москве, где живет лишь около 6% населения России [2, с. 28, 29].

Продолжает расти и децильный коэффициент. На конец 1994 года доходы 10% самых обеспеченных москвичей в 60 раз превышали доходы самых бедных. Думается, сейчас эта цифра много больше, да и количество "зажиточных" людей в столице неуклонно растет. Так, последнее исследование РНИС и НИП выявило 17,4% москвичей, которых условно можно причислить к указанной категории, естественно, по российским меркам (уровень их среднедушевого дохода превышал 1 млн рублей). Достаточно сказать, что в среднем по России таких было не более 5%, на Дальнем Востоке - 5%, на Юге России - не более 2%.

Такова картина имущественного расслоения некоторых российских регионов, скорость и масштабы которого, похоже, увеличиваются. Однако здесь уместно добавить, что закона о прожиточном минимуме в России пока нет. Вернее, он так и не вступил в силу, хотя соответствующее постановление Государственной Думы было принято еще

11 мая 1995 года. Поляризация же в уровне жизни (децильный коэффициент) и дифференциация различных регионов страны по уровню доходов и стоимости жизни реально таковы, что едва ли корректно, не учитывая целый ряд факторов, считать все население России, располагающее душевым доходом ниже среднего официального уровня (по поводу размера которого российские политики и ученые так и не опр делились), однозначно бедным.

Центр комплексных социальных исследований выделяет три степени абсолютной бедности: нищета, нужда, необеспеченность. Около 12% населения России можно отнести к нищим, т.е. к тем, чей доход ниже стоимости минимального набора продуктов питания; до 20% - к нуждающимся; к недостаточно обеспеченным - от 30% до 40% россиян.

Нас в этой связи интересует степень действительного обнищания российского населения. Она связана прежде всего с регионально-дифференцированным уровнем цен, зависящим от местоположения региона, насыщенности рынка товарами и, наконец, от позиции местных властей, придерживающихся стратегии "выравнивания". Важно также учитывать фактический спад промышленного производства в каждом из анализируемых районов страны. Сам по себе доход как критерий региональной дифференциации должен рассматриваться во взаимосвязи с такими немаловажными факторами, как стоимость жизни, устоявшаяся структура потребностей, стандарты потребления, унаследованный от прошлого стиль жизни, распределение населения по различным доходным группам.

Учитывая эти аспекты, можно провести довольно четкую границу между "дорогими" и "дешевыми" регионами. В данном случае аграрный Юг России, безусловно, выигрывает по сравнению прежде всего с Дальним Востоком. Такие южные регионы, как Воронеж и Ставрополь, по уровню цен на основные товары и услуги прочно входят в десятку наиболее "дешевых". Например, разница в стоимости набора из 19 основных продуктов питания, необходимых для нормальной жизнедеятельности, между Воронежем и Москвой летом 1996 года составляла около 100 тыс. рублей на человека, между Воронежем и Владивостоком - около 200 тыс. рублей. Существенно

дешевле обходились на Юге России многие услуги, коммунальные платежи, транспорт, некоторые непродовольственные товары. Значительным подспорьем на сельскохозяйственном Юге является натуральная часть совокупного дохода населения, которая зачастую просто игнорируется статистикой.

Немаловажным компенсационным механизмом служит также стратегия региональных властей по ценовому регулированию. Однако искусственное поддержание явно заниженного уровня цен в условиях рынка не может продолжаться бесконечно. Регулирование цен нерыночными методами не приводит к остановке их роста, а уровень жизни в большей степени зависит от других факторов: от состояния местной экономики, ее структуры и степени диверсификации, от доступных источников дохода и т.д. В результате, когда "дешевый" Юг России в 1995-1996 годах столкнулся с повышением темпов удорожания товаров, население сразу же отреагировало на это, поставив проблему роста цен в ряд наиважнейших государственных проблем, затрагивающих их лично. Москвичи и жители некоторых других регионов делают это уже заметно реже.

Исходя из комплексной многомерной типологии регионов по уровню социально-экономического положения и доходам населения, предложенной Т. Коваль [5], Москва и Приморье считаются "довольно богатыми" регионами. Здесь существенно выше заработная плата, ниже, чем в среднем по России, доля населения с низким и средним доходом, в то время как население с максимальным доходом здесь превышает средне-российские показатели в полтора - два раза. В общей структуре расходов этих регионов отмечен явный прирост сбережений.

Юг России в основном "беден". Тут существенно более низкая заработная плата и превышающая доля населения с минимальным доходом. На фоне этого здесь существенно уже структура расходов и очень низка доля прироста сбережений. Среднетиповая доля населения с максимальным душевым доходом во всем регионе ниже средних значений.

Региональные особенности ментальности

Изучение региональной специфики ментальности населения особенно важно при оценке возникновения и развития потенциальных точек повышенной социальной напряженности. Вполне естественно, что на огромном и разнообразном пространстве России, которое исторически формировалось и заселялось поэтапно складываются типы ментальности населения, существенным образом отличающиеся друг от друга.

Тип ментальности проявляет себя в позициях, ценностных ориентациях, мотивациях, в парадигмах поведения людей, населяющих различные по сути социокультурные общности. Каждая из этих общностей отличается ярко выраженной местной специфичностью исторических традиций, образа и уклада жизни населения, наличием у него стойких мировоззренческих и поведенческих стереотипов. Исходя из этого следует предположить, что региональный фактор лежит в основе глубокой неоднородности массового сознания, а жители различных регионов России обладают не просто разными интересами, но и разной ментальностью.

Проблематика социокультурных различий и особенностей массового сознания населения регионов России сама по себе сложна, недостаточно изучена и требует дополнительных исследований. Пока же отмечу два принципиально важных момента. Различия типов ментальности населения базируются на противоположности, существующей между традиционалистской моделью социального развития и моделью индустриально-урбанистической, переходящей в глобальную постиндустриальную модель. Наличие и сосуществование этих моделей предполагает формирование и воспроизводство нескольких типов культурных сообществ, носители которых обладают собственной логикой развития и мировосприятия. В частности, представители традиционалистской экстенсивной культуры более консервативны, менее восприимчивы к

переменам, стремятся к сохранению специфического уклада жизни, традиционных ценностных ориентаций и предпочтений, отвергая вторжение любых новшеств. В нашем случае типичными носителями этой ментальности являются жители аграрного Юга страны. Напротив, в образе мыслей населения городской урбанизированной культуры гораздо больший вес имеют индивидуалистически-либеральные и неконформистские ценности и парадигмы поведения, обусловленные более динамичным развитием производства, формированием нового типа межличностных отношений, определенной открытостью урбанистического общества достижениям мировой цивилизации и культуры.

Кроме того, следует говорить о наличии в современной России единичных локальных центров зрелой постиндустриально-урбанистической модели общественного развития, формирующей особый тип сознания и социального поведения населения. Прежде всего это относится к Москве, где более динамично осуществляется переход к развитому рынку, шире осваиваются возможности новых информационных технологий, происходит тотальная модернизация всех сфер общественной жизни. Соответственно, тип ментальности столичных жителей, их основные ценностные и жизненные ориентации, адаптивные возможности будут во многом определяться именно этими факторами [5].

И еще: социальное самочувствие и психологическое самоощущение людей во многом зависят от той экономической и политической ситуации, которая определяет условия их жизнедеятельности и основные перспективы. Так, близость к районам вооруженных конфликтов и достаточно незавидное экономическое положение Южной России не может не отражаться на восприятии людьми и окружающей действительности, и будущего страны. Рыночные реформы движутся здесь крайне медленно и болезненно для населения. Это приводит к тому, что реальные рыночные изменения здесь пока мало проявили себя и крайне плохо осознаются респондентами, более очевидны их негативные последствия. Постоянное и сильное снижение уровня жизни, затрудненность успешного вхождения в рынок, растерянность большинства перед новыми проблемами приводят жителей Юга России в стан противников нынешнего курса развития страны. Однако такие настроения "южан" в общем-то лишены радикализма. Тип ментальности сам по себе может служить серьезным противовесом тенденциям вызревания открытого социального конфликта, поскольку население Европейского Юга России традиционно толерантно, законопослушно, малоагрессивно и в целом достаточно терпеливо.

В то же время тип населения, проживающий в той или иной местности, может своими специфическими ценностными установками и предъявляемым уровнем ожиданий, наоборот, провоцировать усугубление социальной напряженности в ситуации обострения тех или иных региональных социально-политических проблем. Типичнейшим примером такого типа социального поведения является Приморье. В результате особенностей миграционных процессов, происходивших на Востоке страны не одно десятилетие, здесь сформировалось достаточно своеобразное и притязательное по исповедуемым ценностям и избираемым парадигмам поведения население. Мотивация переезда в эти традиционно "льготные регионы" только усугубляет прагматичную ориентированность жизненных ценностей дальневосточников, повышает значимость материального аспекта в восприятии людьми происходящих в стране процессов и собственной жизни в целом.

Как только приморцы столкнулись с ухудшением своих жизненных стандартов, с резким удорожанием жизни, с серьезными социально-экономическими трудностями и проблемами, они мгновенно отреагировали на это острым недовольством, бескомпромиссным негативизмом и крайней психологической напряженностью, выразившейся в высоком уровне агрессивности рядового населения. По данным проведенного РНИС и НП в декабре 1995 года исследования, Приморье по состоянию массового сознания своих жителей практически стояло на пороге принятия авторитарно-тоталитарного режима власти, если он будет в состоянии обеспечить населению ста-

билизацию и защиту от произвола местной номенклатуры, от криминогенности и коррупции, охватившей край.

На парламентских выборах 1995 года выявились сильные "жириновско-анпиловские" пристрастия жителей Владивостока. Однако с получением определенной финансовой поддержки от федерального Центра и целого ряда дополнительных преимуществ и специальных постановлений, которые иногда просто выторговывались региональной элитой, ситуация в Приморском крае временно стабилизировалась, что практически сразу отразилось на степени радикализма и умонастроениях рядового населения. Об этом лучше всего свидетельствуют итоги президентских выборов, а также социологические опросы, проводившиеся в 1996 году. При анализе и прогнозе развития событий в этом регионе следует обязательно учитывать типические реакции жителей Дальнего Востока на ту или иную ситуацию, а также высокую значимость материальных факторов в сложившемся у них специфическом типе ментальности.

На основании данных наших опросов попробуем кратко остановиться на наиболее существенных различиях, характеризующих особенности ментальности респондентов. Прежде всего остановимся на *ценностных предпочтениях москвичей*. Жители столицы на сегодняшний день демонстрируют максимальное принятие либеральных и демократических идеалов, которые наиболее полно соответствуют стратегическим задачам продвижения России к рынку. Москва устремлена в будущее, менее болезненно, чем население всей страны, воспринимает утрату дореформенного "рая" и не питает по поводу Недавнего коммунистического прошлого России никаких иллюзий.

Москвичам в наибольшей степени присуща ориентация на собственные силы и инициативный тип мышления, поскольку будущее свободного и прогрессивного развития общества, по их мнению, обеспечивается личными усилиями каждого. Тип ментальности москвичей воплощает наиболее продвинутой индивидуалистически-неконформистский пример того, как можно воспринимать нынешнюю нестабильность и трудности. Справедливости ради стоит сказать, что Москва страдает от них в гораздо меньшей степени, чем остальная Россия, имея широкие возможности на собственном примере ощутить все преимущества рыночной экономики. При этом не следует забывать, что в результате определенной селекции, выразившейся в особенностях миграционных процессов, город сконцентрировал в себе наиболее образованную, квалифицированную и мобильную часть человеческих ресурсов страны. В готовности решать возникающие проблемы активно-конструктивными методами москвичи опередили население всех российских регионов. В случае еще больших лишений 58,4% столичных жителей стали бы больше работать, сменили бы место жительства, предприняли бы какие-то иные шаги, чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию. По всей видимости, москвичи гораздо лучше усвоили новые правила игры, а их адаптивный потенциал в настоящее время, безусловно, один из самых прочных.

Москва более сбалансированно и менее эмоционально относится к выделению своих ценностных приоритетов и очень хорошо знает, какой тип общества она однозначно отвергает. Тип мировосприятия москвичей характеризуется приверженностью таким ценностям, как равенство возможностей (москвичи достаточно негативно относятся к уравнительности, считая ее несправедливым пережитком прошлой общественной системы; доля сторонников равенства доходов здесь достаточно постоянна, невелика и охватывает не более четверти населения, в основном старших возрастов), свободное развитие общества (с широко распространенным среди населения цивилизованным пониманием свободы как возможности осознанного выбора в законодательно регулируемом пространстве), неконформистской парадигме поведения. Максимальную распространенность получила в Москве постиндустриальная ориентация на интересную работу и стремление быть яркой индивидуальностью, а не жить как все.

Тем не менее следует отметить, что город "капитализируется" очень быстрыми темпами. Это непременно приводит к росту значимости ценностей общества потребления, в первую очередь материальных. Так, в 1995 году 75,2% москвичей однозначно предпочли свободу материальному благополучию, а в 1996 году столь принципиально

Чувства, испытываемые жителями регионов в последнее время (разрешалось дать несколько вариантов ответов)

Регион	Социальная незащищенность	Позитивные чувства	Негативные чувства
		душевный подъем, оптимизм, обретение смысла жизни	внутренняя пустота, пессимизм, утрата смысла жизни
Москва	53,3	25,7	25,7
Черноземье	53,9	10,0	33,6
Северный Кавказ	64,4	13,3	44,7
Приморье	47,8	11,1	46,7

позицию занимали уже 60%. В итоге продолжающейся имущественной поляризации незначительно возросло и число эгалитаристов.

В меньшей степени, чем большинство россиян, москвичи охвачены и патерналистскими ожиданиями. Однако говорить о том, что жители столицы полностью от них избавились, было бы пока преждевременно, поскольку доля населения, которая в нынешней сложной политико-экономической ситуации целиком готова сама о себе позаботиться, здесь пока не является доминирующей. Более того, характеризуя собственное психологическое состояние и душевное настроение в последнее время, москвичи обнаруживают, что страдают от чувства социальной незащищенности ничуть не меньше, чем остальные россияне.

Степень психоэмоциональной напряженности, охватившей в непростое для страны время многих ее рядовых граждан, сильно дифференцирована в региональном разрезе. По данным социологического исследования, проведенного РНИС и НП летом 1996 года, многие россияне предаются явно пессимистическим, в основном откровенно негативным, настроениям. До половины и выше характеризовали свои перспективы как не имеющие шансов, свою жизнь как утратившую смысл, свое душевное состояние как внутреннюю пустоту. Москва на этом удручающем фоне давала отрядный пример душевного подъема и оптимизма (см. таблицу).

Таковы основные ценностные и психологические особенности столичных жителей. Москва хорошо соответствует своему реформаторскому имиджу, а тип ментальности большинства ее населения носит ярко выраженный индивидуалистически-либеральный характер, удачно вписывающийся в общую логику реформ. Недаром половина московских респондентов заявляют, что жить в непрерывно меняющемся мире сложно, но интересно. Жителям консервативного Юга страны такие убеждения свойственны в полтора раза реже.

Юг России, включая области Центрального Черноземья и "новое пограничье", является регионом с весьма специфичной ментальностью. Это связано и с самим типом проживающего здесь населения (в основном сельского или мигрантов из села в первом поколении), и с некоторой общинностью мировосприятия "южан", характеризующимся их глубоким уважением к интересам и правилам сообщества, и с сильными позициями казачества, которое занимает в этом регионе особую социально-культурную нишу и обладает достаточным влиянием как главный носитель традиционалистских жизненных ценностей.

В сознании населения историческое прошлое, связанное с тягой к социальной справедливости, переплетается с органичным стремлением к свободе. Однако в данном случае свобода трактуется как воля. Традиционный смысл понятия свободы, реализуемой в политических правах и свободах граждан, для респондентов из этих регионов мало значим. Так, 83,7% ставропольцев предпочли свободу как возможность быть самому себе хозяином, и только 16,4% отстаивали значимость традиционного понимания свободы как возможности законодательно регулируемого выбора. Понимание

идеи свободы как воли имеет в этом степном приграничном регионе России глубокие исторические корни, связанные с сохраняемыми традициями казачества.

Приверженность консервативным взглядам отражается в том, что российская "глубинка" более законопослушна, более склонна к подчинению и соблюдению законов, даже если они уже устарели. Если в Москве готовность всегда соблюдать законы выразила только треть населения, то в Воронеже таких респондентов насчитывалось свыше половины. Тех, кто считал, что руководителям всегда нужно подчиняться, в Воронеже насчитывалось 40,4% при 21,3% в среднем по России. Правовой нигилизм охватил аграрный Юг России в гораздо меньшей степени, чем передовую Москву, где таких респондентов насчитывалось всего 14,2%.

Население южных регионов обладает ярко выраженным патерналистски-конформистским типом ментальности с присущим его носителям ожиданием готовых решений "сверху", государственных гарантий удовлетворения материальных потребностей, низкой адаптивной способностью к навязываемым инновациям и резким переменам. Подобное мировоззрение закладывается в основу социально-экономической идеологии жителей южных районов страны, отражаясь на политическом выборе населения, полном ностальгических, откровенно патерналистских и в общем-то пассивных ожиданий сильного государства и сильного лидера, который решит социальные проблемы и наведет порядок в обществе.

На Юге шире, чем где-либо по России, распространена ориентация на общество равных доходов. Уравнительные настроения в Воронеже и Ставрополе устойчиво охватывают свыше трети населения, и этот показатель здесь также постоянен на протяжении многих лет. Накануне президентских выборов 1996 года доля респондентов с эгалитаристскими установками резко возросла и приблизилась к 50%. Позиции "южных русских" по этому поводу практически постоянно опережают среднероссийские показатели в полтора раза. Стихийное понимание "справедливой с точки зрения населения уравнительности хорошо уживается со стремлением к конформизму, отраженному в предпочтении не выделяться среди других, а "жить как все". Так, в Воронеже "жить как все" предпочли 68% опрошенных, в Ставрополе - порядка 60%, в то время как в Москве доля людей, придерживающихся этой ценностной установки, была существенно меньше и составляла около 40%.

Высокий уровень терпимости и толерантности "южных русских" к другим людям следует выделить особо. Интересно отношение неблагополучного с точки зрения доходов Юга России (по сути, откровенно бедствующего) к "новым русским", т.е. к людям, разбогатевшим в последние годы. В основе своей оно благоприятное, что в значительной степени объясняется, на мой взгляд, традиционным уважением к зажиточности и возможным проецированием примера чужого успеха на себя в будущем. Преобладающим позитивным чувством на казачьем Юге стало уважительное отношение к чужому богатству, оно практически перекрыло негативные чувства, основным среди которых, как ни странно, стала зависть, а подозрение и неприязнь были распространены почти вдвое меньше, чем в среднем по России.

Наибольшую нетерпимость к "новым русским" проявили жители Дальнего Востока, где люди всегда получали высокие зарплаты, приезжали в регион зачастую именно за деньгами, да и на сегодняшний день доля высокодоходных групп населения в Приморье достаточно высока. Однако для того чтобы повысить свой материальный уровень, население регионов "вербовок" вынуждено было работать в экстремальных природных условиях, выработать стаж, сознательно идти на длительные лишения, а "новые богатые", с точки зрения тех же владивостокцев, получили свои капиталы слишком легко и по большей части незаконно.

Если сопоставить отношение разных регионов к факту имущественной дифференциации последних лет и появлению нового социального слоя зажиточных россиян, то окажется, что позиции диаметрально противоположных по уровню социально-экономического положения Москвы и русскоязычных регионов Северного Кавказа достаточно схожи. Здесь превалирует позитивное отношение, в то время как Приморье

наряду со старопромышленной Центральной Россией дает резкий пример открытого негативизма.

В целом же реакция на ту тяжелую ситуацию, в которой оказалась страна, очень показательна. Наименьшую готовность к открытой забастовочной борьбе либо к выходу на баррикады проявляет терпеливое население Южных и Центрально-Черноземных областей России. В случае еще больших лишений респондентам из этих регионов, в отличие от активных и инициативных москвичей, были свойственны пассивные реакции, но здесь и уровень агрессивности был крайне низок. Именно жителям аграрного Юга России чаще других было свойственно испытывать чувство, что осталось потерпеть еще немного - и жизнь наладится. Такая мысль достаточно часто посещала каждого четвертого "южного русского" и только каждого девятого среднестатистического россиянина.

Выявленные особенности ментальности явно вселяют определенные надежды на то, что запас терпимости жителей неблагоприятного Юга страны остается в настоящее время достаточно прочным. Доля разуверившихся людей здесь ничуть не превышает социально допустимого уровня, несмотря на многие объективные минусы в их экономическом положении.

Хотелось бы добавить несколько общих положений, более конкретно раскрывающих *тип мировосприятия и психоэмоциональное состояние населения Приморского края*, на специфичность которых уже неоднократно обращалось внимание. Помимо распространенности патерналистских настроений, глубокого пессимизма и негативизма, отдельных люмпенизированных проявлений в массовом сознании и социальном поведении жителей этого региона, здесь отмечается крайне нестабильная социально-психологическая обстановка, накладывающая заметный отпечаток на тип региональной ментальности. Напряженность и недовольство удачно поддерживаются стратегией местных властей, камуфлирующей узкорегиональные интересы в борьбе за ресурсы и откровенную игру на экономических трудностях, переживаемых Дальним Востоком. Это выражается в явно завышенных требованиях, предъявляемых к федеральному бюджету и перекладывании на Центр всей ответственности за ситуацию в крае.

Каким же образом все это отражается на состоянии массового сознания? Именно в Приморье меньше всего людей, никогда не изъявлявших желание купить оружие или перестрелять всех спекулянтов. Фактически из каждых пяти жителей Владивостока четверо рано или поздно хотели доказать свою правоту или восстановить справедливость силой оружия. Максимальная доля (67,5%) сторонников ужесточения системы наказаний и упрощения процедуры судопроизводства при рассмотрении наиболее тяжких уголовных преступлений также зафиксирована здесь. Именно приморцы наиболее негативно воспринимают "новых русских" и особенно "новую номенклатуру". При этом они убеждены, что демократические процедуры в стране - только видимость, а правят политики и те, у кого больше денег и власти. Само же население проявляет при этом предельный правовой нигилизм. Вдвое меньше, чем в среднем по России, и на порядок меньше, чем в Москве, здесь обнаружилось тех, кто в случае ухудшения своего положения был бы готов активно работать. Добавлю к сказанному явно положительный региональный рейтинг Сталина. Почти половина респондентов (максимум по массиву) оценили деятельность "отца народов" положительно, а еще 60% согласились с суждением, что России нужен лидер сталинского типа.

Особенностью приморцев стало то, что они гораздо реже, чем москвичи или "южане", были способны осознать и четко определить свою позицию по многим вопросам, предпочитая следить, как будет меняться ситуация. Не только активно-конструктивные, но и активно-деструктивные формы социального поведения в случае дальнейшего ухудшения собственного положения не набирали здесь такого числа сторонников, какое они получали в двух других регионах, а тех, кто так и не смог сказать, что он будет делать в критическом случае, здесь было не менее 40%. Затруднение вызывали и определение приоритетных ценностей, и многие другие вопросы,

хотя по всем социально-демографическим характеристикам состав опрошиваемых в разных регионах был идентичным.

На мой взгляд, отмеченные особенности наряду с ожиданием прихода жесткого лидера, который, даже игнорируя закон, "в бараний рог согнет" "новых русских" и позаботится о "простом народе", - свидетельство маргинализированности сознания жителей Дальневосточного региона. Такое положение достаточно симптоматично и указывает на открытость региона антидемократическим тенденциям, а возможности легкой манипуляции подобным типом сознания во многом опаснее устоявшегося консерватизма аграрного Юга России. Все это подтверждает высказанное ранее предположение, что сам по себе тип ментальности населения регионов может служить как противовесом, так и катализатором тенденций усугубления социальной напряжен-

ЛИТЕРАТУРА

1. Как идет адаптация к новым реалиям // Власть. 1996. № 9. С. 45, 46.
2. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Постсоветское пространство России // Мир России. 1996.
3. Регионы России в переходный период. М., 1993.
4. Пивоваров Ю.А. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. 1996. № 2. С. 65.
5. Специфика рабочей силы Российской Федерации и пути совершенствования политики занятости (на основе социального районирования). М., 1996.

© Н. Давыдова, 1997